

Новое в отношениях семьи и школы в русской эмиграции.

Вопрос о взаимоотношениях семьи и школы был всегда очередным и как-то плохо поддающимся удовлетворительному разрешению в русской дореволюционной школе.

Несмотря на появившийся в последние два десятилетия институт родительских комитетов при средних учебных заведениях, призванный помогать школе в ее воспитательной деятельности и до известной степени даже влиять на школу, все же лишь в весьма исключительных случаях приходилось наблюдать общность усилий семьи и школы в деле обучения и воспитания подрастающего поколения. Известный холодок в отношениях семьи и школы, а то и прямо полная их отчужденность составляли самое обычное явление. Семья смотрела на школу, как на институт чисто формального интеллектуального образования, застывший в определенных нормах, отделившийся от живой действительности, мало интересующийся «душой» ученика. Школа же, иногда не без основания, обвиняла, семью в том, что последняя, «давши» ребенка в школу, взваливала всю ответственность за дальнейшее образование и воспитание ребенка на школу, относясь зачастую «совершенно индифферентно к намерениям и усилиям школы. Создавалось впечатление, что семья и школа находятся на двух противоположных полюсах учебно-воспитательного дела, и как-то не могут пойти друг другу на встречу.

Если, тем не менее, известная ненормальность в отношениях семьи и школы не отражалась сколько-нибудь пагубно на подрастающем поколении, то объясняется это, конечно, тем, что была здоровая, нормальная семья с определенными нравственными устоями, что был веками создававшийся уклад жизни, миллионами нитей протягивавшейся к молодому поколению и вносивший во все свои благотельные коррективы.

Но вот разразилась грандиозная война, последовала революция, закончившаяся ужасной гражданской войной, потрясшей не материальные только, но и моральные устои русской жизни. Миллионы русских людей, впервые, кажется, за время существования русского государства, оказались в эмиграции. У огромного большинства из них исчезли жизненные цели. Нищета, примитивная грубая борьба за существование, неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие общественного контроля стали делать свое дело. Семейные связи стали быстро слабеть, семья стала разлагаться. Явление печальное и слишком хорошо известное, чтобы нужно было на нем подробнее останавливаться!

В этой катастрофе, постигшей русскую семью в эмиграции, поистине трагичной оказалась судьба детей. Оторванные большую часть дня от своих родителей, занятых приисканием куска хлеба, иногда не имеющие родителей, предоставленные с самого раннего возраста самим себе и случайным влияниям (чаще всего улицы), слишком рано познающие всю изнанку жизни, не видящие ничего радостного в семье, дети шли, казалось, к верной, если не физической, то к моральной гибели. Стали, по крайней мере, в Болгарии, появляться беспризорные дети, зачастую с преступными наклонностями.

И вот перед лицом нависшей над русскими детьми грозной опасности взоры родителей, да иногда и детей, обратились на русскую школу.

Русская школа — спасительница русских детей!

Этот момент внес нечто совершенно новое в отношения между семьей и школой. Школа, в глазах семьи, уже не есть препятствие, которое дети должны «пройти» для того, чтобы открыть себе жизненный путь: нет, школа есть единственный институт эмиграции, который сохранит семье детей, а их самих обережет от моральной гибели.

Мне, стоящему близко к русской эмигрантской школе по моей деятельности воспитателя при русской гимназии в Шумене (Болгария), приходится вот уже шесть лет

определенно констатировать этот поворот в отношениях между семьей и школой, быть может, характерный только в условиях эмигрантской жизни, но тем не менее, характерный.

В моем распоряжении имеется целый ряд писем к воспитателям родителей учащихся в Шуменской гимназии*) детей, которые рисуют «новое» в отношениях семьи к школе. Мне ничего не остается, как только привести некоторые выдержки из этих «человеческих документов».

Вот что пишет воспитателю в гимназию мать двух детей, из которых одному — Ване**) семь лет:

«...Ваню я хочу на это лето оставить в гимназии. Не удивляйтесь этому. Сейчас объясню, и Вы наверное согласитесь со мной: Ваня не видел лета в прошлом году. Дома страшно шалит, оставаясь один, так как, я с утра до вечера ухожу на фабрику; хозяйка жалуется. И чтобы не было неприятностей, я брала его с собой на работу. Будила, в 6 часов утра, конечно, слезы. На фабрике жара, вонь... Шалит, бегает между машинами... Я его ищу. Опять неприятности — отрываюсь от работы. Стала запирает его у знакомых на чердаке; опять неладно, кричит, стучит в двери. Так я мучилась целое лето, и не могла дожидаться, когда отправлю его в гимназию. Если мне придется взять его, то повторится та же история, или целый день он будет с уличными детьми. И чего только эти, дети не знают, а я не буду иметь времени вовремя увидеть и остановить. И его пребывание в гимназии за лето все пропадет. Шлепать его и наказывать за шалости? Да и виноват ли он? Ему нужны дети его возраста, нужен присмотр; ничего этого я дать не могу. Если надо, то могу за лето за него даже платить, лишь бы не брать»...

А вот другое письмо, тоже матери:

«...Брать детей на праздники я не буду; уж очень тяжело с ними на 300 левов (в неделю) — и я мучаюсь, и они голодают возле меня в буквальном смысле слова. Святослав очень слабенький и худенький, кости да кожа; уж очень голодно мы живем. Меня Вы извините за мои письма: горе, нужда и вечная забота, чем накормить завтра ребят, убили во мне всякие мысли и желания. Нет, брать я их больше не буду»... И дальше: «Жаль мне Святослава. Я знаю, что он еще мал, и что учиться ему еще рано***). Но взять его домой я не могу; ему будет дома хуже. У нас он хоть сыт, а Вы спросите моего старшего сына, как мы голодали летом. Взять его домой опять на то же, держать под ключом в нетопленной комнате, пока приду с работы — я не могу. У вас и с Вами ему будет лучше. Святослав — мальчик ласковый и добрый. Жаль мне его больше Николая, потому что детство его совсем беспросветное. Он ничего не испытал, кроме горя, голода и холода. Это все, что наполняло до сих пор его коротенькую жизнь. У моих мальчиков нет отца. Николай еще помнит его, а Святослав — нет; и никому они во всем свете не нужны, кроме меня. Я уверена, что они и самые бедные среди других ваших детей. Все это знаю, но ничем помочь не могу. Святославу скажите, что к Рождеству я пришлю ему кубики»...

Вопиющие строки... Мать двух детей, оставленная мужем еще в 1922 году в Константинополе, стирает к гимназии руки с мольбой о спасении детей, готовая отказаться от высшей материнской радости — увидеть своих детей, приласкать их.

Вот письмо отца двух мальчиков:

«...Жена моя, очень слабая по здоровью, не может много времени уделять занятиям с сыновьями, имея на руках еще трехлетнюю дочь. Оба мальчика, узнав об их приеме в гимназию, теперь только и живут мыслью о предстоящем отъезде и о том, как они попадут в ту гимназию, где с ними будут говорить и заниматься по-русски»...

Мать пишет: «...Петя едет к вам с охотой».

Дети, мечтающие об отъезде из родной семьи!

Отец пишет: «...Прежде всего я должен посвятить Вас в нашу семейную драму... После двенадцати лет супружеской жизни, жена моя уехала с поручиком, в которого на старости лет (ей 39 лет, ему 28) влюбилась. Я и Володя остались одни».

Другой отец пишет: «...Постоянное общение с грубыми людьми сделало из моего сына типичного грубияна. Я, к сожалению, целый день занят, и не могу присматривать за ним».

Из письма матери: «...Год тому назад я похоронила мужа, а в прошлом месяце и последнюю опору — брата. Когда муж и брат были живы, они сыну моему много уделяли внимания; но, с тех пор как заболел муж, мальчик был предоставлен самому себе, особенно после того, как заболел и брат. Мое же внимание было и сейчас направлено, главным образом, на то, чтобы заработать кусок хлеба».

Отец пишет: «...Дома его (сына) часто журили и наказывали за шалости, которые он учинял, предоставленный самому себе в течение целого дня. Поэтому, покорнейше прошу обратить Ваше благосклонное внимание на его душевное состояние».

Отец пишет: «...Вчера получил письмо от жены, которая просит прислать ей Глеба (сына), т. к. она уезжает в Россию; но ее уловки мне хорошо известны, а потому и ответ мой был соответствующий»...

Речь идет о мальчике, который пяти лет попал под кров Шуменской гимназии, но который до того не только был свидетелем всех перипетий семейной драмы, но и до известной степени объектом этой драмы.

А вот и письмо одного отца к своим детям 10-ти и 12-ти лет:

«...Дорогие Кирилл и Толя. Уж давным давно получил от вас поздравление, и только теперь собрался вам ответить. Я знаю, чего вы с моим ответом ждали и ждете, подобно всем несчастным беженцам, — это денег; я вас понимаю, эти деньги вам очень нужны; но вы уже не маленькие и отлично понимаете мое тяжелое положение, благодаря которому мне пришлось официально отказаться от вас и передать вас в чужие руки, а именно Николаю Ивановичу. Как это ни тяжело, но пришлось решиться на такой шаг. Когда вы подрастаете и поумнеете и начнете разбираться в изнанке жизни, тогда вы поймете мой шаг, на который я решился из-за вас, дети. Официально я отказался от вас, но нравственно я остаюсь вашим должником. Не вините меня, и не сердитесь на вашего отца-неудачника».

Отец, отказывающийся от своих детей ради их спасения!
Это ли не трагедия беженской семьи?!

В моем распоряжении имеется много еще подобных «человеческих документов». Но, думаю, и приведенных достаточно, чтобы видеть, какие чрезвычайные обстоятельства совершили переворот в отношениях семьи и школы.

Русская школа в эмиграции выступает в новой уже для нее роли, о которой трудно было и думать в прежнее время: в роли не только охранительницы *национального* лица русских детей, но, и больше того, спасительницы их *человеческого* лица.

Не думаю, чтобы своеобразное появление «беспризорных» детей составляло удел русской эмиграции только в Болгарии. Наверное, подобные явления замечаются всюду, где сосредоточены большие массы русских беженцев и где идет тяжелая беспощадная борьба за существование. Тем более настоящим является открытие в таких местах русских учебных заведений с интернатами для спасения русских детей от грозящей им в эмиграции физической и моральной гибели.

*) В Шуменской гимназии все учащиеся живут в интернате при гимназии.

**) По понятным причинам, собственные имена изменены.

***) Возник вопрос о возвращении Святослава домой по малолетству: ему было всего шесть лет.

А. П. Дехтерев.

Март 1927 г.
Шумен (Болгария).

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de